Д. С. Мартьянов

Культурологические аспекты электронного участия

В статье рассматривается взаимосвязь между киберкультурой и концепциями электронного участия. Анализируются концепции электронной демократии и основные политические ценности киберкультуры. Автор акцентирует внимание на ценностном конфликте демократии и киберкультуры. Делается вывод о том, что современные концепции электронного участия направлены на существенную трансформацию киберкультуры.

Ключевые слова: Интернет, электронная демократия, электронное участие, прямая демократия, киберкультура

Denis S. Martyanov

Culturological aspects of e-participation

The article examines correlation between cyberculture and e-participation. The author analyzes theories of e-democracy and fundamental political values of cyberculture. The author focuses on the conflict of values of democracy and cyberculture. Researcher concludes that the modern concept of e-participation aims at a substantial transformation of cyberculture.

Keywords: Internet, e-democracy, e-participation, direct democracy, cyberculture

Киберкультура как часть культуры в целом является важным фактором влияния на политические процессы. Это касается формирования как политических ценностей, стереотипов, установок, ожиданий, так и политического поведения. То что именно киберкультура первоначально в большей степени являлась фактором политики, а не наоборот, доказывает тот факт, что сами политические акторы начали сколько-нибудь заметное проникновение в Интернет лишь в середине 1990-х гг. К тому времени киберкультура уже не только сложилась как устоявшееся многогранное явление, но и стала активно распространяться на все более широкую аудиторию.

Тем не менее, поскольку в 1990-е гг. потенциал Интернета стал очевиден политикам, политические акторы предприняли попытки трансформации своих институтов, опираясь на существовавшую теоретическую базу. В демократических государствах такие теории сформировались в рамках концепций электронной демократии и электронного участия.

В то же время вопрос о сочетаемости киберкультуры и демократии остается открытым в силу разных причин. Во-первых, в силу слабой концептуализации самого понятия «демократия». Во-вторых, в силу наличия множества моделей ее реализации. В-третьих, в силу многообразия киберкультуры. Таким образом, нас будет интересовать более широкий вопрос: какие формы политического участия являются наиболее органичными для киберкультуры. В качестве отправной точки нашего анализа исследуем основные интерпретации демократии с точки зрения компьютерных сетей. Хотя некоторые авторы отмечают, что «электронная демократия не связана ни с каким конкретным типом демократии и не ведет к нему»¹, очевидно, что реально электронная демократия обычно представляет собой определенную альтернативу современной представительной демократии.

И. А. Быков выделяет два центральных направления концепций электронной демократии – концепции прямой демократии и коммунитарной демократии². Концепции прямой демократии, восходящие к И. Масуде, связаны с идеей нивелирования политических посредников, которыми выступают традиционные политические институты эпохи представительной демократии. В определенной степени подобная прямая демократия должна стать новой инкарнацией, пускай и в довольно сильно измененном виде, античной прямой демократии.

Это направление возникло задолго до широкого распространения компьютерных сетей с началом эпохи сегментизации телевидения, о чем писали Э. Тоффлер³, Дж. Нейсбит⁴ и др. Смысл данной концепции заключается как в более широком использовании традиционных форм прямой демократии – референдумов, так и в увеличении возможностей участия населения в принятии политических решений.

Иногда данную концепцию в российской политологии называют «демократией участия», что может создавать определенные проблемы

Культурологические аспекты электронного участия

в силу наличия концепции «демократии участия» греческого философа Т. Фотопулоса (так называемая инклюзивная демократия), представляющей собой более частную (в том числе более идеологически «левую») теорию, подразумевающую, что демократия участия – это не только прямая (политическая) демократия, но также и экономическая, экологическая и т. д. демократии⁵. Поэтому проще ее обозначать как концепцию партиципаторной демократии. Впрочем, обе концепции участия сближает то, что они являются антиэлитистскими, выступают за нивелирование роли элиты.

Огромный вклад в развитие идей, связанных с коммуникативными аспектами прямой демократии, внес Ю. Хабермас⁶ своей теорией делиберативной демократии, сочетающей в себе элементы представительной демократии, прямой демократии и демократии участия и предполагающей политику рационального обсуждения общественных проблем⁷. В целом, имея собственную специфику, эта теория вписывается в общий вектор коммуникативных теорий, направленных на критику современной представительной демократии в пользу увеличения механизмов прямой демократии. Общая суть данного вектора заключается в желании трансформировать традиционные демократические элементы функционирования современного государства посредством использования коммуникативных средств, что приведет к возрастанию политической активности населения, смене модели поведения, ориентированной на восприятие себя клиентом, на модель, ориентированную на восприятие себя гражданином.

Хотя и само данное направление наиболее активно критикуется за идеализм и утопичность, оно периодически находит выражение и в высказываниях современных политиков. Так, в 2010 г. Д. А. Медведев высказался о том, что «грядет эпоха возвращения в известной степени от представительной демократии к демократии непосредственной, прямой, при помощи Интернета»⁸.

Основоположниками коммунитаристского подхода в рамках концепции электронной демократии являются А. Этциони и Г. Рейнгольд. В основе этого подхода лежит понимание виртуального сообщества как ключевого элемента становления электронной демократии. Виртуальное сообщество возникает в Интернете, как правило, спонтанно, исходя из профессиональных⁹, религиозных, политических, культурных, потребительских и т. д. интересов пользователей. Виртуальное сообщество обладает относительно стабильной аудиторией, имеющей возможность публично общаться в рамках

какого-то электронного ресурса. По мере развития такого сообщества может формироваться его сетевая идентичность, специфические правила поведения и т. д.

Таким образом, речь идет о модели, ориентированной на самоуправление, при которой существенно преобразуется, в соответствии с сетевыми принципами, иерархическая система «власть – общество».

В обеих концепциях, однако, либо практически игнорируется, либо рассматривается недостаточно комплексно фактор киберкультуры.

Если говорить о политических течениях, характерных для киберкультуры, то в первую очередь необходимо говорить об их общем анархичном характере¹⁰. Киберкультура получила свое развитие на основе художественных произведений киберпанка, идеей которых являлось противостояние индивида системе. Киберкультура, таким образом, культивирует крайний индивидуализм, граничащий с солипсизмом, что плохо сочетается даже с коммунитаристским видением демократии. Киберкультура может оказывать влияние и на реальное политическое поведение – рост абсентеизма и политического эскапизма.

Среди политически релевантных факторов киберкультуры необходимо выделить анонимность, экстерриториальность и максимальную свободу.

Политическое участие предполагает деятельность, осуществляемую в рамках конкретных политических единиц (прежде всего, государств и их регионов). Уже на первых этапах становления программ электронной демократии (программы «цифровых городов», реализованные в 1990-е гг. в США, Нидерландах, Австрии, Германии¹¹) стало прослеживаться противоречие между ценностью экстерриториальности и географическим вектором построения электронной демократии.

Для органов государственной власти всегда важна конкретная идентифицируемая аудитория, в рамках которой можно было бы говорить о демократии участия, в то время как для пользователей зачастую важнее сохранение приватности и анонимности.

На практике возникает и вопрос о свободе действий пользователей. Если на первых этапах государство может ограничиваться информированием и консультированием, то в дальнейшем неизбежен переход к «защите» и охране безопасности гражданин. В то же время Интернет позиционируется в рамках киберкультуры как пространство, свободное от традиционной политики.

Таким образом, на практике, как отмечает

Д. С. Мартьянов

А. А. Голычев, «государство... было и будет заинтересовано только в одном – в создании и бесперебойном функционировании сетевой телекоммуникационной инфраструктуры, поддерживающей процессы выполнения органами исполнительной власти своих функций», т. е. речь идет о конструируемом преимущественно сверху так называемом «электронном правительстве»¹².

Другой полюс критики «электронной демократии» заключается в том, что эгалитаристски ориентированные демократические концепции не являются единственными хорошо проработанными теоретическими сетевыми политическими теориями. Хотя Г. Рейнгольд говорил о сети Интернет как о «великом уравнителе»¹³, в пику эгалитаристским демократическим идеям многие исследователи выдвигали вполне неоэлитистские концепции в духе меритократии, экспертократии и нетократии, более органично вписывающиеся в киберкультуру.

В связи с этим наметилась и концептуальная ревизия. А. И. Быков отмечает, что в плане современного политического участия сейчас логичнее отдавать предпочтение категории «электронное правительство», а не «электронной демократии»¹⁴, что подразумевает сведение участия не просто к партиципаторной концепции, но также подразумевает, что правила игры устанавливаются «сверху». Важно и то, что электронное правительство не обязательно ценностно предполагает электронную демократию.

Подводя итог, необходимо отметить, что в силу активизации политических акторов фактор киберкультуры не только утрачивает роль конструирующего политику фактора, но и вовсе требует трансформации в силу того, что он является определенной помехой для активизации политического участия.

Говоря о России, отметим, что в силу того, что киберкультура здесь не имеет столь же глубоких корней, как в западных странах, казалось бы, устранение этого фактора пройдет более безболезненно. Однако необходимо учитывать и слабость общей активистской политической культуры в России, которая будет являться до-

полнительным препятствием для электронного участия.

Примечания

- ¹ Харечко И. 3. Электронная демократия как модель улучшения политического участия граждан: зарубежный опыт // Вестн. Перм. ун-та. Политология. 2013. № 3. С. 110–120.
- ² Быков И. А. «Электронная демократия» vs «электронное правительство»: концептуал. противостояние? // Политэкс: полит. экспертиза: альм. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. Вып. 3. С. 69–79.
 - ³ Тоффлер Э. Третья волна. М.: Аст, 2010. 795 с.
 - ⁴ Нейсбит Д. Мегатренды. М.: Аст, 2003. 384 с.
- ⁵ Towards an inclusive democracy: the crisis of the growth economy and the need for a new liberatory project. London; New York: Cassell Continuum, 1997. 401 p.
- ⁶ Habermas J. The structural transformation of the public sphere: an inquiry into a category of bourgeois society / transl. by Th. Burger. Cambridge: MIT Press. 1989.
- ⁷ Зайцев А. В. Делиберативная демократия как институциональный диалог власти и гражданского общества // NB: проблемы о-ва и политики. 2013. № 5. С. 29–44.
- ⁸ Медведев Д. Грядет эпоха возвращения непосредственной демократии: из встречи с активом «Единой России» 28 мая // Видеоблог Дмитрия Медведева. 2010. 31 мая. URL: http: // blog. da-medvedev. ru (дата обращения: 09. 04. 2014).
- ⁹ Мартьянова Н. А. Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: вопр. теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10, ч. 2. С. 112–115.
- ¹⁰ Мартьянов Д. С. Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе // Учен. зап. Забайкал. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Чита, 2013. № 4. С. 77–83.
- ¹¹ Бондаренко С. В. Краткий курс истории развития конструкта «электронная демократия». URL: http://dzyalosh.ru (дата обращения: 09. 04. 2014).
- ¹² Голычев А. А. Электронная демократия как фактор повышения политического участия граждан современной России: автореф. дис. . . . канд. полит. наук. М., 2006. С. 15.
 - ¹³ Быков И. А. Указ. соч. С. 72.
 - ¹⁴ Там же. С. 76.